

Калуцков – Калуцков В. Н. Прозвища жителей чадромского куста деревень Устьянского района Архангельской области / Владимир Николаевич Калуцков. – Режим доступа : <http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/2022/1/VO-2007-04-24.pdf>.

И. 1 : Маркова А. Этнографы Коми нашли в Прилузье чаехлёбов / А. Маркова. – Режим доступа : <http://www.komiinform.ru/news/58784/>

И. 2 : Забавные прозвища жителей русских городов. – Вып. 3. – Режим доступа : http://www.abhoc.com/arc_an/2004_03/238/

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПОТРЕБНОСТНОГО КОДА

ГАШИМОВ Э. А., КУРОВСКАЯ А. Е.

Московский городской педагогический университет, Самара

*Изучать язык – значит проникнуть
в “зеркало разума”,
область, сулящую
привилегированный доступ
к изучению человеческого познания.*

Н. Хомский

Долгое время изучение этноязыков, с одной стороны, и этнокультур, с другой велось на основе применения разных понятийно-терминологических аппаратов. Впоследствии они стали анализироваться во взаимной связи с использованием единой системы инструментальных категорий. Такая система составила универсальный методологический базис исследований, основы которого были заложены Ф. де Соссюром, Ч. Пирсом, Ч. Моррисом.

Во второй половине XX века в рамках семиотики возникла отрасль, получившая наименование семиотики культуры (К. Леви-Стросс, Р. Барт, У. Эко, Ю. М. Лотман, Е. В. Падучева и др.). Это позволило трактовать явления языка и культуры как явления одного порядка. Культура предстала взору исследователей как полиглотический феномен, т. е. как система знаковых систем.

В работе “О природе и языке” Н. Хомский задался вопросами: Что такое знание языка, как оно приобретает, какова связь между языком и культурой? Именно эти вопросы выходят на первый план в изучении языка: насколько близко устройство языка приближается к оптимальной реализации условий, которым должна отвечать система, для того, чтобы быть хоть как-то пригодной к употреблению? И какова связь языка и культуры? Не случайно этой области исследования посвящены многие труды как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Интересны исследования в таких научных областях как этнолингвистика, этнопсихология, социолингвистика. Эти науки тесно связаны с уже набирающей силой лингвокультурологией, которая рассматривается как прикладной аспект в процессе преподавания языка. Отечественные ученые рассматривают данную область науки как:

– комплексную область научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры (В. И. Карасик);

– область, призванную описывать наиболее общие закономерности

взаимообусловленности, взаимодействия языковой и культурной практики человека и общества (Хроленко А. Т.);

– еще один аспект проблемы международного общения, который требует безотлагательного решения; имеется в виду проблема кросс-культурного взаимопонимания (В. А. Маслова) и т. д. Мы полагаем, что лингвокультурология – синтезирующая наука, использующая методы, операции, приложенные к анализу взаимосвязи языка и культуры.

В начале XXI века возникли две крупные лингвистические школы: Волгоградская научная школа, связанная с именем В. И. Карасика и Самарская научная школа, возглавляемая В. М. Савицким. Данные научные школы ставят перед собой задачи: выявить место культуры в процессе образования языковых концептов, выявить и описать концептосферы, лингвистические поля, дискурсы культуры и языка, ориентированные на репрезентацию носителями одной культуры.

Действительно, объект исследования многомерен. Это и язык, это и культура, это и человек, создающий культуру, но пользующийся языком не только как языком общения, но и языком, декодирующим культуру. Да, язык – это самая естественная для культурологии область исследования, поскольку носителем языка является человек, а с человека, в свою очередь, начинается культура, к которой относится все, что “не природа”, все, что создано человеком. Не случайно возникновение понятий “языковой человек”, “языковая личность”, которые отражают внутренний механизм связи языка и культуры именно через человека. Человек выступает в качестве фактора, регулирующего жизнеспособность. Формы существования и изменчивость слова; это и фактор, структурирующий языковой материал в пределах определенного отрезка лингвистического времени и формирующий соответствующие семантические комплексы и их варианты.

Уже не одно столетие проблема соотношения языка и культуры занимает умы многих известных ученых, но по сегодняшний день этот вопрос остается дискуссионным: одни полагают, что язык относится к культуре как часть к целому, другие – что язык лишь форма выражения культуры, третьи – что язык не является ни формой, ни элементом культуры. В качестве примера можно привести слова двух крупнейших ученых, основателей американской и русской школ этнолингвистики. Так, по мнению Э. Сепира, “культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает, язык же есть то, как думает”. “Отношения между культурой и языком, – пишет Н. И. Толстой, – могут рассматриваться как отношения целого и его части. Язык может быть воспринят как компонент культуры или орудие культуры (что не одно и то же), в особенности когда речь идет о литературном языке или языке фольклора. Однако язык в то же время и автономен по отношению к культуре в целом, и его можно рассматривать отдельно от культуры (что и делается постоянно) или в сравнении с культурой как с равнозначным и равноправным феноменом”.

Язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, это специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов. Между тем отношения между языком и культурой могут рассматриваться как отношения части и целого. Язык может быть воспринят как компонент культуры и как ее

орудие, что не является одним и тем же. Однако он в то же время автономен по отношению к культуре в целом и может рассматриваться как независимая, автономная семиотическая система, т. е. отдельно от культуры.

Очевидно, что если каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, то языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат средством представления основных установок культуры. Именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей.

Ясно видна глубокая связь языка и культуры. С позиций семиотики культуры вербальный язык представляет собой основную, знаковую систему этнокультуры, над которой надстраиваются все остальные знаковые системы данной культуры. Исходя из такого взгляда на культуру, Ю. М. Лотман называл невербальные культурные коды вторичными моделирующими системами. Между вербальными и невербальными кодами происходит непрерывное взаимодействие: наблюдается экспансия культурных кодов в естественный язык (в особенности на участке образной лексики и фразеологии), а также обратное воздействие словесного языка на культуру (Э. Сепир, Б. Уорф). Как справедливо отмечает К. А. Долинин, очень многие, если не большинство сторон человеческого бытия имеют знаковый аспект (это согласуется с тезисом Ю. М. Лотмана о том, что в человеческом обществе нет ничего вне культуры). Говорят о культуре одежды, труда, жилища, питания и тому подобные. Нет сомнения в том, что ведущим способом освоения действительности являются языковое членение мира и заложенная в системных значениях слов информация о мире, однако, нам представляется, что большей, по сравнению с общепринятым жестким разделением когнитивной и языковой картин мира, объяснительной силой обладает лингвосемиотический подход, позволяющий исследовать лингвоментальную деятельность человека и этноса в совокупности, а также снять противоречия, которые возникают в разнообразных дискуссиях о функциях языка и статусе языковой картины мира.

В обществе одновременно сосуществуют множество знаковых систем, ни одна из которых, взятая в отдельности, фактически не может выступать в роли смыслового генератора. Только в ситуации семиотического многоязычия возможен диалог как механизм смыслопорождения.

По А. Ф. Лосеву, код может выйти за первичные денотативные рамки и начать символизировать “любые области инобытия, в том числе также безграничные области”. Этот тезис относится и к лингвокультурному потребностному коду. С его помощью можно обозначать не только все, что связано с человеческими базальными потребностями, такие как еда, жизнь, власть и т. д., но и иные области культуры и, в первую очередь, область ее ключевых ценностей.

В этой связи представляет интерес соотношение таких понятий, как “язык” и “код”, а также ряда смежных с ними понятий. Единицы культурных кодов (отдельные образы) представляют собой знаки с переменной субстанцией плана выражения. Один и тот же образ может воплощаться в различных материальных носителях.

Особый случай представляет собой словесное воплощение образа; при этом план выражения обладает не только специфической субстанцией (звуковой либо графической), но и специфической (естественноязыковой) формой. Этноязык неразрывно связан с этнокультурой; происходит вливание культурных кодов в этноязык, а именно в сферы образной лексики, фразеологии и паремиологии. Фразеологический фонд на образном уровне представляет собой одно из естественноязыковых воплощений целого ряда культурных кодов, субкодов и их фрагментов.

Между единицами культурных кодов (отдельными образами) и основными единицами естественного языка (отдельными словами) нет ярко выраженного взаимно-однозначного соответствия. Один образ может быть выражен как одним словом, так и несколькими словами, оставаясь при этом единым знаком.

Единицы лингвокультурного кода образуются при взаимодействии культурных кодов с общеязыковым кодом. Единица лингвокультурного кода может состоять из любого количества лексем (от одной до всех, входящих в состав фразеологизма), но является естественноязыковым воплощением только одной единицы культурного кода (отдельного образа).

Образный код культуры – это система образов, служащих знаками (символами) иных внекодовых явлений.

В качестве культурного кода может выступать любая чувственно воспринимаемая область бытия: ландшафт, явления природы, флора, фауна, создания человеческих рук (орудия труда, жилища, хозяйственная утварь, одежда, оружие).

Будучи средоточием этнокультуры, вербальный этноязык вбирает в себя многие элементы предметно-культурных кодов. Образы сменяют субстанцию плана выражения и из натуральной формы существования переходят в форму словесную. Операции, которые человек осуществляет над знаками – вербальными и невербальными, есть, по сути, динамичное творчество как в отношении самой действительности, социума в целом, так и в отношении языка. Исследование этой динамики – это исследование формирования *лингвосемантической картины мира*, представляющей собой не жесткую комбинацию “первичной” и “вторичной” (непосредственной – опосредованной, когнитивной – языковой) картин, а взаимосвязанную систему мышления, культуры, языка и речи, в которой мышление формирует (концептуализирует) представление, культура поставляет для него вещественные знаки, язык обеспечивает образующуюся концептосферу словесными знаками как именами концептов, а речь (дискурс) придает новые смыслы уже имеющимся знакам или формирует новые смыслы, находя для них новые знаки.

Процесс кодообразования, как и процесс декодирования, являясь процессом динамической природы, может быть отслежен исключительно средствами диахронического исследования; это означает, что лингвосемантическая картина мира в значительной степени представляет для исследователя исторический интерес, поскольку она отражает состояние восприятия действительности, сложившееся в прошлые периоды развития языка в обществе. По этимологии знака, его значению и смыслу можно достоверно судить о том, как

формировались современные представления этноса о мире, как складывалась актуальная концептосфера того или иного народа. По словам Ф. де Соссюра, любое данное состояние языка всегда есть продукт исторических факторов. Иными словами, для комплексной научной репрезентации лингвосемиотической картины мира определенного этноса необходима комплексная ретроспекция, т.е. детальные, подкрепленные данными сопредельных научных дисциплин, этимологические исследования трансформации знаков и концептов в диахронии.

Языковой код, как представитель сложной семиотической системы, также подвергался изменениям. Ю. М. Лотман, подчеркивая динамический аспект языка как семиотической системы, считал, что язык вообще – это код плюс его история. Кодовая система языка имеет лавинообразную природу, когда с ходом истории знаки не сменяют друг друга, а приобретают большое количество других значений-аналогов. Семантические изменения в означающем – это механизм, регулирующий переход языкового знака в новое качество, т. е. процесс динамического изменения знака.

Применительно к языковому пространству под кодом речи понимается последовательность частей (элементов, сегментов, фрагментов, кодов) речевого сигнала внешней среды преобразованных мозгом в соответствующий по структуре внутренний речевой сигнал, представленный во взаимодействии нейронов образами кириллических букв.

Путь к решению проблемы семантической эквивалентности лежит в разделении планов выражения и содержания, а далее – в разделении плана содержания на денотативную, или экстенциональную, сферу и понятийную, сигнификативную, или интенциональную. С помощью такого разделения можно прийти к разрешению вопроса об эквивалентности нескольких предложений, которая оказывается в одних случаях эквивалентностью по денотату – это то, что устанавливается посредством парафраз, а в других – эквивалентностью по сигнификату – это устанавливается посредством трансформаций. Таким образом, специализированные или же формализованные операции “знак за знак” позволяют обнаружить разные аспекты значения, а полисемия может трактоваться как способность знака быть интерпретированным несколькими аналитическими дескрипциями, не сводимыми друг к другу. Интересно также вспомнить о мысли Якобсона, которая заключается в том, что чем более развернут знак, чем более эксплицитным он является, т. е. чем объемнее его дефиниция, тем большую роль играет он в коммуникации в том отношении, что снимает многозначность знака.

Одной из входящих в нее подсистем является обширная парадигма образов, выполняющих знаковую функцию в процессе общения. Эта парадигма подразделяется на образные сферы, которые в семиотике культуры называются культурными кодами. В области духовного производства, переходя из натуральной в идеальную форму существования, обретая образный характер, в качестве культурного кода может выступать практически любая чувственно воспринимаемая часть действительности: небесные тела, явления природы, флора, фауна, человеческое тело, предметы хозяйственного обихода, техника,

оружие и т. д. и т. п. Внутренняя логика каждой такой образной сферы и ее связь с другими сферами обуславливают характер ее символического содержания.

Поток номинаций, расширение словарного состава национального языка, внесение изменений в семиотическую картину мира его носителей вследствие смены поколений, исторических формаций, научной и религиозной картин мира, обогащения образного мышления нации, ее экономического развития и других причин инициируют процессы семиотизации бытия и формирования лингвокультуры. Так в динамическом процессе семиозиса появляется лингвосемиотическая картина мира, в которую включаются знаки, фиксируемые в общенациональном менталитете и отражаемые в дискурсах (текстах) соответствующей эпохи как периода становления лингвокультуры этноса. Коды языковые – уже апробированные в лингвокультуре и новые, приобретенные в результате контакта с другими лингвокультурами или рожденные внутри самой лингвокультуры – постоянно взаимодействуют с дискурсами: любой факт трансформации знаковой сферы лингвокультуры отражается в тексте или ином языковом (речевом) продукте. Формирование и эволюция национальной лингвосемиотики образа мира всегда осуществляется через семиотические процессы, базовым содержанием которых является трансформация знаков лингвокультуры.

Языковой код, как представитель сложной семиотической системы, также подвергался изменениям. Ю. М. Лотман, подчеркивая динамический аспект языка как семиотической системы, считал, что язык вообще – это код плюс его история. Кодовая система языка имеет лавинообразную природу, когда с ходом истории знаки не сменяют друг друга, а приобретают большое количество других значений-аналогов. Семантические изменения в означаемом – это механизм, регулирующий переход языкового знака в новое качество, т.е. процесс динамического изменения знака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка / Ирина Владимировна Арнольд. – Л. : Просвещение, 1983. – 303 с.
2. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / Анатолий Павлович Бабушкин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Анна Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1997. – 416 с.
4. Гашимов Э. А. Лингвокультура потребностного кода : [монография] / Эльчин Айдынович Гашимов. – М. : Изд-во “Пирсон Эдьюкейшн”, 2010. – 233 с.
5. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / Вильгельм фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 451 с.
6. Карасик В. И. Язык социального статуса / Владимир Ильич Карасик. – М. : Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
7. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке. Языковая личность : культурные концепты / Владимир Ильич Карасик. – Волгоград : Перемена, 1996. – С. 3–16.
8. Лосев А. Ф. Проблема вариативного функционирования поэтического языка Знак. Символ.

ВЕРБАЛІЗАЦІЯ І СЕМАНТИЗАЦІЯ ОБРЯДІВ ПЕРЕХОДУ РІЗДВЯНОГО КАЛЕНДАРНОГО ЦИКЛУ СЛОВ'ЯН

ГОЛІ-ОГЛУ Т. В.

Приазовський державний технічний університет

Концептуалізація дійсності й створення на основі цього глобального образу світу, що переломлюється крізь призму національної колективної свідомості й набуває рельєфно виражених національно-специфічних ознак, зумовлює культурологічний та ономазіологічний підходи до аналізу мовних явищ. Такий підхід до лінгвістичних проблем виокремився на зламі ХХ – ХХІ століть, коли нації зблизилися та уніфікувалися в мисленні та побутових основах, проте кожна нація у своєму ядрі утримує і культивує свої національні особливості, піднімаючи їх до рангу суспільно визначальних. У цьому безперервному процесі саме мова є тією субстанцією, що здатна утримувати культурнозначущу інформацію, вербалізуючи її у певних мовних формулах.

Останнім часом інтерес до колективної когнітивної свідомості підвищився, адже саме на ниві когнітивістики працювали і працюють такі сучасні лінгвісти, як А. Вежбицька [3], О. С. Кубрякова [7], М. М. Маковський [10], В. А. Маслова [11], З. Д. Попова і Й. А. Стернін [6], В. І. Постовалова [12], Б. О. Серебренников [14] та інші. Проте досліджень, зорієнтованих на вивчення прихованої культурної інформації, що має тисячолітню історію і зберігається нацією на обрядовому рівні, не так уже й багато, адже вона найчастіше існує в латентному, неповерховому вигляді, а тому її часом важко виявити й зафіксувати, проте саме ця інформація акумулює досвід попередніх поколінь, тому її вивчення та аналіз контролюють національну пам'ять.

З огляду на вищесказане визначимо мету пропонованої до уваги читачів наукової розвідки – описати шляхи вербалізації культурно релевантної інформації в обрядах переходу різдвяного календарного циклу, а також особливості семантизації обрядових номінацій у межах слов'янського культурного простору. Задля успішної реалізації поставленої мети слід окреслити завдання наукового дослідження: 1) виявити обрядові номінації циклу різдвяних обрядів переходу слов'ян; 2) дослідити генезу обрядових номінацій; 3) провести зіставний аналіз культурної і семантичної мотивованості виділених слов'янських різдвяних номінацій у контексті етнографічної характеристики; 4) з'ясувати варіанти співвідношення та взаємодії “свого” та “чужого” локусів у концептуальній картині світу слов'ян та їхні зони перетину в обрядовому просторі.

Термін “rites de passage” увійшов у науковий ужиток не так давно і позначає обряди, що символізують зміни соціального чи вікового статусу актантів (учасників) обрядодії. Незважаючи на те, що цей термін уживається в науковій літературі переважно щодо весільних ритуалів, думаємо, що доречно його